И.В. КРЮКОВА
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.С. КАРТАВЕНКО «СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» (Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009 – 2010)

Вопросы исследования топонимии определенного региона традиционно привлекали внимание ономатологов. Следует отметить усиливающееся в последние десятилетия сближение топонимии с современными направлениями языкознания – когнитивной лингвистикой, этнолингвистикой, психолингвистикой и лингвокультурологией. Однако подавляющее большинство работ посвящено синхроническому изучению топонимов (иногда с небольшими экскурсами в историю). Исследования, в которых представлен сопоставительный анализ топонимов тех или иных исторических срезов, немногочисленны. Проблема динамики топонимической системы остается на сегодняшний день недостаточно изученной.

Это позволяет говорить о том, что В.С. Картавенко, обратившись к анализу процессов становления русской топонимической системы как в общерусском, так и в региональном аспекте, выбрала в качестве темы монографического исследования актуальную и перспективную проблематику. Показателен выбор исследуемой территории – Смоленский край, один из древнейших регионов Русского государства, который всегда находился в центре событий, на пересечении важнейших дорог, связывающих север и юг, запад и восток. Информативность топонимов, разноязычных по происхождению и разновозрастных по времени возникновения, в таком регионе особенно велика. Динамика топонимической системы рассматривается на протяжении длительного исторического периода – с XII по XXI в.

Рецензируемая монография состоит из двух частей: в первой части анализируется древнерусская топонимия, во второй – топонимия периода русского национального языка. Вполне закономерно, что данное историко-лингвистическое описание развития и формирования топонимической системы Смоленского края предваряет обзор существующих направлений отечественных топонимических исследований и уточнение ономастической терминологии. Это относится в первую очередь к таким неоднозначным понятиям, как *топонимическая система*, *народный географический термин*, *микротопоним*, а также к многочисленным терминам, используемым для обозначения внутригородских объектов. Анализируя практически все существующие дефиниции данных понятий, автор вносит ряд уточнений в их определение, что, несомненно, способствует развитию ономастической теории. Такой подход позволил автору представить глубокий и полный анализ топонимии Смоленского края с единых теоретико-методологических позиций. В.С. Картавенко начинает исследование с древнерусской топонимии, в которой уже на раннем этапе развития проявились как общие с древнерусской топонимией черты, так и некоторые особенности, присущие только смоленским географическим названиям.

При анализе семантических типов древнерусских топонимов автор выделяет две большие группы – топографические и посессивные названия. Первые связаны с обозначением населенных пунктов по характеру местности (*Берестье, Броды, Вержавск, Дубен, Зареченск, Песочен, Переволока* и др.), вторые – с именем отдельного человека, преимущественно князя (*Изяславль, Мсиславль, Ростиславль*) или с коллективом людей (*Дешняне, Дедогостичи, Мирятичи*), часто объединенных общей деятельностью (*Бобровницы, Бортницы, Лодейницы, Солодовницы*). Количественный анализ этого большого и разнообразного материала позволил автору сделать важный вывод о том, что в Древней Руси (в том числе и на Смоленской земле) большинство названий отражало не владельцев поселений, а большой коллектив, который там жил. В таких названиях особенно ярко проявились местные условия, процесс освоения края, хозяйственный и социальный опыт населения, традиции и культура народа.

Показателен в этом отношении представленный автором этимологический анализ топонима *Смоленск*. В отличие от существовавших до последнего времени версий о происхождении топонима от слова *смола*, а названия племени *смоляне* от названия города Смоленск, В.С. Картавенко (со ссылкой на работы О.Н. Трубачева) возводит название племени к глаголу *смолить* («медленно постепенно

© Крюкова И.В., 2011

жечь»), а слово *смола* – к значению «выжженное место в лесу». Таким образом, *смоляне* – это первоначально «выжигающие лес». Следовательно, название города связано не с добыванием смолы, а с культурной стадией, которая называется в науке подсечно-огневым земледелием. Значимость данного вида земледелия для исследуемого региона подтверждает существование в Смоленском крае других топонимов, восходящих к значениям «горение», «жар» или «расчищенный участок леса» (*Выгорки, Выгорь, Жарки, Жарынь, Жарь, Займище, Задорица, Росчисть*). Встречаются в древнерусских письменных источниках и иноязычные названия (балтийские и финно-угорские), но их сравнительно немного: *Герцике, Кукенойс, Ладога, Нерехта, Каспля.*

Словообразовательный и формантный анализ позволил автору выявить типичные модели и набор словообразовательных средств. Наиболее древние архетипы, характерные для названий славянских городов, – посессивы на *-j-*. Формант *-jъ*, унаследованный от праиндоевропейской эпохи, проявляется в древнейших источниках (*Всеволож, Любич, Ростиславль* и под.). Форманты посессивов на *-ов, -ев, -ин* стали частотными в раннем Средневековье, т.е. после принятия Русью христианства (*Василев, Дмитров, Михайлов*). Однако, по наблюдениям В.С. Картавенко, топонимы на *-ов, -ев, -ин* были не только посессивными, но и топографическими (*Берестово, Ветичев, Клов*), причем последняя функция может считаться более ранней. Словообразовательной особенностью топонимов Смоленского края, не характерной для восточнославянской территории в целом, является продуктивность форманта *-ичи* (*Воторовичи, Жидчичи, Мирятичи, Погоновичи*). Автор связывает распространенность данного форманта с соседством Смоленского края с украинскими, белорусскими и польскими землями.

Приведенные данные выглядят убедительными, т.к. основаны не только на традиционном материале – летописных источниках, но и на уникальных для современного исследователя текстах – смоленских епископских грамотах XII – начала XIII в., в которых зафиксированы многие названия населенных пунктов того времени. С опорой на данные источники автор вполне авторитетно заявляет, что количество населенных пунктов в древнерусскую эпоху было неизмеримо больше, чем представлено в предшествующих исследованиях.

Во второй части монографии процессы формирования топонимов Смоленского края исследуются на большом фактическом материале – смоленских памятниках письменности XVI – XVIII вв. В первой главе выделяются мотивационные типы топонимов, в которых выражены региональные географические и климатические условия, особенности труда и быта населения. Например, заболоченность территории отразилась в многочисленных названиях, означающих труднодоступные места (*Дряжна, Дрыжелова, Дрыхлова*), указывающих на цвет заболоченной местности (*Ржавец, Ржавка, Ржавцы*) и широко распространенные моховые болота (*Моховатка, Мошки, Замошье, Мшарина*). В смоленских топонимах нашла выражение богатая и разнообразная флора (*Березовка, Дубня, Липовка, Васильки, Мята*). Отмечаются также следы языческих (*Волоста, Чертов починок*) и христианских (*Купелище, Покров, Тресвяцкое*) верований. В этот период появляются топонимы, в которых процессу онимизации подверглись названия различных типов поселений и построек (*Село, Слободка, Дворы*), некоторые из которых представляют своеобразие смоленской топонимии (*Застенок, Застенки*).

Во второй главе представлен взгляд на топонимическую систему Смоленского края с точки зрения происхождения и территориального распространения географических названий. Как отмечает автор, в этот период происходит формирование топонимии за счет не только общерусского лексического фонда, но и народно-разговорной (в том числе диалектной) лексики. Своеобразие говоров данной территории, отразившееся в топонимах, заключается в наличии в них элементов и севернорусских, и южнорусских говоров, а также ряда белорусизмов, украинизмов, полонизмов и слов из других западноевропейских языков. Следует отметить, что в монографии В.С. Картавенко тщательно разработана методика определения диалектного характера той или иной топоосновы, локальность которой подтверждается, во-первых, отсутствием соответствующего слова в исторических и толковых словарях русского литературного языка; во-вторых, фиксацией в памятниках письменности лишь некоторых территорий (не центральных), а также совпадением ареалов бытования слова в прошлом и настоящем. Такой подход может успешно применяться при исследовании топонимических систем других территорий.

Третья глава посвящена анализу причин и последствий переименований населенных пунктов и других географических объ-

ектов, начиная с XVI в. до настоящего времени. Первоначально данный процесс был связан со сменой землевладений. Например, каждый помещик стремился переименовать свое село в честь святого, именем которого был назван сам. Совершенно новый период начался после 1917 г., когда на смену топонимическому принципу пришел идеологический. Первыми исчезли названия, связанные с именами царской семьи, а также данные по именам святых и церковным праздникам. Вместо подобных топонимов появились или мемориальные названия в честь революционных и государственных деятелей (*г. Демидов*), или названия идеологизированного характера, мотивированные словами *знамя, коммуна, красный, октябрь* и под. Выражая свое отношение к переименованиям последних десятилетий, автор отмечает, что исчезновение некоторых старых топонимов, отражающих особенности местности и занятия жителей, прерывают культурные традиции и нарушают устойчивость топонимической системы, лишают ее равновесия.

Оценивая монографию в целом, отметим, что она представляет безусловный интерес не только для исследователей топонимии, но и для диалектологов, этнолингвистов, социолингвистов. Выходящий за рамки чистой лингвистики богатый историко-культурный материал, неизменно присутствующий в работах подобного рода, может быть полезен географам, историкам, этнографам и всем, кому не безразличны проблемы краеведения и родного языка.

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О ДОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

(Рецензия на книгу: Кудряшова Р.И. Донские казачьи говоры Волгоградской области: тексты и задания: учеб.-метод. пособие. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 120 с.)

Изучение донских казачьих говоров вступает в новую стадию. После трудов А.В. Миртова, составившего первый «Донской словарь», монографических исследований и статей Л.М. Орлова, на положениях и указаниях которых была основана работа группы волгоградских лексикографов, издавших в 2006–2009 гг. шесть выпусков «Словаря донских говоров Волгоградской области», в начале 2011 г. вышла в свет небольшая книга Р.И. Кудряшовой, знаменующая собой переход от теоретического и лексикографического описания народных говоров казаков к их практическому преподаванию, обучению студентов и школьников пониманию красоты и неизбывности донской казачьей речи.

Пособие открывается обстоятельным введением, в котором дана краткая история заселения Дона русскими людьми, описана диалектная система донских казачьих говоров. Автор упоминает, что диалектологические экспедиции студентов и преподавателей ВГПИ (ВГПУ) в казачьи районы Волгоградской области были начаты еще в 1949 г. Опираясь на классификацию Л.М. Орлова, данную им в книге «Русские говоры Волгоградской области» (1984), Р.И. Кудряшова подразделяет донские говоры на три группы: *хопёрские, медведицкие и чирские* (с. 6). На основании этого разделения, соответствующего административному членению Области Войска Донского, от которой к Волгоградской области были присоединены три округа – Хоперский, Усть-Медведицкий и Второй Донской, материал пособия распределен на три части.

Автор подчеркивает, что казачьи говоры Волгоградской области являются однородными (с. 4), однако в каждой из групп сложились специфические черты, которые не отменяют этой однородности. Пособие является уникальным как по объему исследованных населенных пунктов, так и по количеству включенных в него текстов. В книгу вошел материал из 44 поселений Волгоградской области, в каждом из которых записано от одного до шести текстов. В пособие входят 84 текста разного объема. Так, записи в ст-це Сергиевской Даниловского района состоят из 3–5 строк (с. 69–70), а в ст-це Нехаевской от информанта А.И. Антонова во время экспедиции 2000 г. было записано более трех страниц (с. 96–98). Больше всего текстов (6) было получено на хут. Тормосине (с. 28–32), на один меньше – на хут. Ветютневом Фроловского района (с. 62–67) и в упомянутой ст-це Сергиевской.

Диалектологическая часть предваряется историко-топонимической: в пособии приводится информация о возникновении населен-

© Супрун В.И., 2011